Сузуки, Кабуки и Кагура

Выступлением театра Хаячинэ-такэ-Кагура открылась самая значительная «национальная» часть V Чеховского фестиваля. Бережность, с какой японцы показали свои древние действа, заставляет вспомнить храмы, перенесенные ими на крыши небоскребов.

Столь массивная атака японского театра на русского зрителя — событие из ряда вон выходящее — вслед за театром народных празднеств, выступившим с двумя разными программами, последуют спектакли театра Но «Кагэки» и «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки» театра Кабуки, в труппах которых актеры носят имя с цифрой III или даже V и ведут родословную от теоретиков жанра из XIV века. Два вечера отданы новациям: спектаклям современного танца «SIDE B» Икуйо Курода и «Куда плывет тростник» Рейко Ното. Знаменитый Тадаши Сузуки покажет «Сирано де Бержерака».

Финальным многоточием в этом списке станет проект «японца из Москвы» Мин Танаки, который уже поставил для актеров театра Васильева танцспектакль «Гости Гоин из тьмы», а осенью заберет в деревню художников на японском острове русских «альтернативщиков» Василия Ющенко и Андрея Андрианова.

Театр Хаячинэ-такэ-Кагура в Японии считается «народным культурным наследием нематериальной формы первой степени» и дает 60 представлений в год. Его ритуальные танцы сложились на деревенских праздниках во времена, когда глобальные религии еще оставляли место культам. Продленные развороты в многослойных костюмах под пение и бряцающую медь — шаманство, смысл которого — задобрить местного духа, чтоб посылал урожай, не обижал старых и малых. Главное, чем удивил театр, — отношениями со сценической тайной: здесь нет кулис, только занавес-задник да обозначенный по периметру квадрат сцены.

Справа от нее сложен реквизит, слева сидят музыканты, которые, отложив на минуту свои медные гонги, подают и забирают нужные артистам предметы. Серьезность, с какой они исполняют роль слуг просценнума, убеждает в абсолютных правах этой неевропейской условности.

Танец птиц, танец заклинания и даже танец очищения от бесов для европейского глаза равно сложны. Когда зал уже достаточно разогрет, чтобы перестать воспринимать действо как монотонную экзотику, появляется маска льва — совсем не страшная, с хлопающей нижней челюстью, очень похожая на народные маски Бирмы или Южной Индии. Особые черты народного действа — строгий регламент и ритмичность метронома — помогли ему откристаллизироваться в совершенную форму Кабуки и Но. А пока происходящее подкупает милым наивом — артисты могут, присев на корточки спиной к залу, снять накидки и с серьезной деловитостью затолкать их под занавес или по-детски интриговать, приподняв занавес наполовину и не открывая лица. Но когда барабан оглушает вселенную, веришь, что белый веер в руках есть признак мужества воина...

Еще перед началом в мрачно-деревянных интерьерах театра Васильева на Сretenке, вполне адекватных японским представлениям о связях с природой и традицией, работники японского посольства встречали гостей идеальным поклоном. Надо полагать, японский сезон открыт.

ЛЕЙЛА ГУЧМАЗОВА

Время МК. - 2003 - 21 мая - с. 11.